

Анастасия Яковлева-Помогаева

Зависший проект

Когда раздались первые взрывы, Савва Иосифович, как и большинство жителей города, спрятался в ванной. Теперь-то он был таким же, как и все. Чувство вины сменилось некоторым чувством удовлетворения, но вот сможет ли он полностью погрузиться в проект – вопрос.

– Так тебе и надо.

Он пока еще даже не знал, как все исправить. У времени согласительное наклонение бывает лишь на бумаге, поэтому даже он не имел возможности вернуться на исходную точку.

Виновным назначил себя сам. Однажды заигрался. Игра была забавна: какой степени величия можно было бы в ней достичь? Какой эталон мог бы стать самым верным? И если с добром в определенный момент все стало ясно, то где оно, истинное зло? Вот тогда вовремя Савва Иосифович остановить проект не сумел.

Высшие сущности порой наивнее ребенка. Всё они воспринимают с позиции мастера, способного починить любую игрушку. Но когда-то давным-давно в договоре был прописан один лишний пункт, и поэтому питомцы обрели неожиданную свободу. А он... доисследовался.

От вибрации запели оконные стекла. Наконец-то, будто-то бы поднимая на волну звука весь город, завывала мощным альтом сирена. Затем затихло. Город замер, рассматривая свои новые раны. Только минут через пять, отчаянно крича, проехала цепочка пожарных и скорых. Запахло гарью. В окна повалил черный дым.

Для своего земного убежища Савва Иосифович выбрал обыкновенную панельную многоэтажку в Одессе на Таирова. Здесь не было ни толстых стен, ни подвала. Когда вой сирены раздался во второй раз и отозвались гулом звуки шагов бегущих вниз соседей, запищала мобильный. Номер был незнаком:

– Вышниченко Савва Иосифович?

– Да.

– Мы звоним вам по поводу Кравченко Виктора Сергеевича. Знаете такого?

Отрицать было напрасно. Савва Иосифович знал всех.

– Давно ли вы встречались с Виктором Сергеевичем?

– Лично? Давно.

– Виктор Сергеевич понабирал кредитов на оплату квартиры и теперь скрывается. Поручителем представил вас. Мы пока что не предъявляем вам претензий, просто просим назвать местонахождение должника.

Савва Иосифович называть местонахождение не захотел. Вместо этого он спросил:

– В таком случае не могли бы вы назвать мои паспортные данные, а также дату заключения договора?

Но кредитная вышибала как будто не слышала его. Гнула свою линию:

– Если он свяжется с вами, передайте, что мы его разыскиваем... или же сообщите номер его телефона.

Савва Иосифович не выдержал:

– Уважаемая, мне понятен мотив вашего звонка. Вас зовут Ольга. Вы родная сестра Виктора Сергеевича. Два дня назад вам стало известно, что он похоронил отца. После отца осталась квартира, на которую также претендуете и вы. Согласно законодательству, на то, чтобы решить квартирные вопросы, у вас осталось полгода. Брат общаться с вами не хочет, так как в свое время вы слишком допекли его. Номер мобильного, по которому сейчас звоните, на самом деле был найден в интернете на Фейсбуке. У вас же был свободный выбор: взять и... не позвонить. Тем более что за большим отцом ухаживал ваш брат, а не вы.

Трубку быстро положили, а Савва Иосифович, хоть и ненадолго, почувствовал себя менее виноватым.

Не снимая тапок, он завалился на кровать. Еще чуть-чуть – и в кровати заведутся блохи. Сами по себе. Божеству даже не пришлось бы трудиться над этим проектом. В последнее время все равно навалилась депрессия, и творить не получалось. Савва Иосифович большую часть времени просто лежал. Иногда подходил к панорамному окну, смотрел на птиц и людей. Или же рассматривал витрину расположившийся под окнами пекарни.

По утрам даже на верхних этажах его девятиэтажки уютно пахло свежей выпечкой. Вечером пекарь выходил во двор и раздавал оставшийся хлеб старикам. Бесплатно. Затем садился на скамейку и курил. Савва Иосифович любил наблюдать за тлеющим огоньком его сигареты. Тогда его раздумья поглощались молчаливым созерцанием. Казалось, что все не так уж плохо.

В сигаретном дымке пекаря Бог видел несбывшиеся сны жителей этого города. Сны плыли белым туманом. Прерывались от каждого неверного колебания воздуха. Жителям в основном снилось прошлое. И даже днем наяву они уже не строили планы, а лишь вспоминали, возвращаясь во времена, когда им было хорошо, из-за чего даже молодые стали превращаться в стариков.

Жители включали любимую музыку детства или же находили в интернете старые фильмы, пытались нырнуть из вынужденного бездействия в глубину экрана. Но тщетно. Совсем юные особы делали вид, что не происходит ничего. Они надевали наушники в виде ушек зверюшек из аниме. Учились не слышать.

А над городами продолжали летать большие птицы. Днем они сверкали серебром, а ночью разноцветными огнями. Птицы засеивали города железными капсулами. Капсулы были похожи на маленькие бутоны. Если на бутон наступала человеческая нога, они раскрывались красными цветами.

Опять запищал телефон. В мессенджер из внешнего мира прокралось сообщение: «Семинар по минной безопасности. Изучи правила, спасающие тебе жизнь. В конце мероприятия получи гуманитарную помощь в виде посуды, беруш и памперсов».

*

Трудно быть вечным. Сущность попыталась представить себе ничто. Но даже у нее это получалось умозрительно. Из ничего ничего не возникло. Наверно, потому что даже сам Создатель был гармонично вплетен в окружающий мир. Не понимал, растерянный, почему Его творения, созданные по образу и подобию, не могут быть совершенно такими же, как и Он. Перемудрил, подарив свободную волю? Ошибся?

Эксперимент, вышедший из-под контроля. Проект без итога. Какая-то изначальная ошибка творения. Врачи отнесли бы ее к генетической. Даже самые праведные, оставшиеся в живых после потопа, впоследствии давали все то же неоднородное потомство добрых и злых. Все будет повторяться, как ни играй. Поэтому снова уничтожать людей не имело смысла. Пустить все под естественный отбор? Но кто в нем побеждает? Отнюдь не подобия божьи.

Он решил наблюдать за миром, словно ребенок, от которого не зависит ничего. Вот только с каждым разом Савва Иосифовичу было сложнее и сложнее гармонично в него вписаться. Поэтому он и стал искать себе раковину, чтобы спрятаться. Хотя бы на время.

Но раковина была очень хрупкая.

Тогда божество решило снова гармонично распределиться в пространстве. Получилось не очень удачно. Савва Иосифович чувствовал себя животным, загнанным в тупик выстрелами из охотничьих ружей. У животного только вздрагивало сердце. Оно даже не пыталось сбежать.

Отбой сыграли уже на рассвете, когда пеналы высоток осветились холодным синим светом. В телеграм-новостях сообщили, что на пляж штормом прибило гранатомет Пг-7Ц. На фотографии он мирно лежал в песке. Совсем недалеко от трупа оленя, припльывшего из Каховского водохранилища. Савва Иосифович охоту не любил никогда.

Как будто ничего и не происходило. Чистое озеро воздуха: ни ветерка. Савва Иосифович заставил себя выйти на балкон. Пахло сигаретным дымом и подгоревшей кашей. Ревел младенец. Курившие соседи с подозрением смотрели на внезапно появившегося на балконе деда. Савва Иосифович струхнул не на шутку,

так как знал слишком уж много (точнее, знал все). Из-за этого опять возникло тоскливое чувство вины. Хотя его понимали говорившие на любом языке мира, сейчас он даже не поздоровался с соседями, просто молчал.

Соседи между тем смотрели на него все пристальней. Даже стали перешептываться. По-видимому, некоторым твореньям передан дар всевиденья, ибо они об окружающих знали гораздо больше, чем о себе. Убеждать их в обратном было бессмысленно.

Савва Иосифович решил потихоньку сбежать. Для пущей достоверности он прихватил «тревожную сумку» с кнопчным телефоном и литровой бутылкой воды. Но, к сожалению, побег не удался. Как только он вышел за порог квартиры, на лестничной клетке появились соседи.

– Ты пил? – неожиданно заорал мужик с багровой мордой. – Это ты постоянно возле лифта лужи делаешь? Я камеру в парадной поставлю и все сниму!

Чей-то неумеренно ухоженный мопс не давал Савве Иосифовичу спуститься. Кусаться, по-видимому, он не умел, зато когда бросался, зализывал насмерть.

Пискнула включенная видеокамера на телефоне. Какая-то старушка стала вызывать полицию.

Савва Иосифович с трудом осознавал себя шпионом и хулиганом, делающим лужи возле лифта, поэтому особо не сопротивлялся. Наряд полиции появился минут через десять.

Вечер был спокойным. Арестовывать его было лень. Представители власти то демонстрировали оружие, то прятали его.

«Хотят похвастаться», – решил Савва Иосифович.

Они долго рассматривали паспорт, сымитированный божеством. В конце концов документ признали подозрительным.

*

Пятый за день вой сирены застал Савву Иосифовича уже в застенках. Застенки были скучны и надежны.

– Слава тебе, господи, – подумал бог. – Если бы у меня была семья, хомячки или попугайчики, я бы с удовольствием перенес их на эту безопасную территорию с глубоким подвалом.

Он с тревогой подумал о соседях. Их бы прихватить с собой. В отличие от людей, Создатель был жалостлив и незлобив. Люди – нет, не церемонились. Он успел просмотреть телефон подозреваемого деда и обнаружить в памяти устройства запросы «свободу ЛГБТ», «торт со сливками» и «разведение карликовых пуделей». Его сразу же выпихнули на улицу, как только сирена отыграла отбой.

На улице медлительная дворничиха Галя поливала клумбу. Человек божий, просветленный Кирюшенька рассказывал ей о тяготах жизни, надеясь набедкаться хотя бы на бутылку. В эти часы жизнь божества казалась мирной и тихой.

